

Станюкович Константин Михайлович

Два брата

Роман в 2 частях

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К65

К65 **Константин Михайлович С.**
Два брата: Роман в 2 частях / Станюкович Константин Михайлович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 418 с.

ISBN 978-5-519-75277-0

ISBN 978-5-519-75277-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Въ лицѣ, фигурѣ и осанкѣ Ивана Андреевича было что-то величавое, красивое, напоминающее древнихъ патріарховъ. Открытое, нѣсколько задумчивое и усѣянное морщинами лицо, большой высокій лобъ, зоркій взглядъ черныхъ блестящихъ глазъ и пріятная улыбка, скользящая на губахъ, невольно заставляли остановиться въ благоговѣйномъ почтеніи передъ этимъ старикомъ. На чертахъ его лица, когда-то красиваго, лежала печать благородства, пережитыхъ страданій, мысли и все еще бодрого, протестующаго духа. Онъ на видъ казался старикомъ, хотя ему было всего 52 года. Жизнь состарила прежде времени его тѣло, но глаза, свѣтлые, блестящіе мыслью глаза, говорили о живучести его нравственнаго существа. Невольно при встрѣчѣ съ такими стариками, богатыми прошлымъ и вѣрящими въ будущее, проникаешься уваженіемъ.

Есть на свѣтѣ люди, передъ яснымъ взглядомъ которыхъ словно вы чувствуете себя виноватымъ, слабымъ духомъ и ничтожнымъ. Есть люди, передъ которыми даже наглое безстыдство невольно опускаетъ глаза, какъ-бы чувствуя робость. Это тѣ посѣдѣвшіе рыцари духа, тѣ могучіе, хотя и надтреснутые дубы челоуѣчества, которыхъ природа бросаетъ въ міръ какъ-будто бы для того, чтобы челоуѣкъ не извѣрился въ челоуѣка.

Такихъ стариковъ напоминалъ и старикъ, сидѣвшій на крыльцѣ и пристально всматривавшійся на дорогу.

— Пора идти, Иванъ Андреевичъ! раздался изъ комнаты пріятный и мягкій, нѣсколько взволнованный женскій голосъ.

И вслѣдъ за тѣмъ на крыльцо торопливо вошла пожилая, средняго роста женщина, загорѣлая блондинка, крѣпкаго, здороваго сложенія, съ пріятными и мягкими чертами лица, сохранившаго еще слѣды прежней красоты. Но главнымъ украшеніемъ этого лица были глаза — большіе, свѣтлые, сѣрые глаза, свѣтившіеся кроткимъ выраженіемъ. Подъ мягкими лучами взгляда этихъ кроткихъ глазъ точно становилось теплѣй на душѣ, — такъ много было въ нихъ нѣжной любви и какого-то симпатичнаго добродушія. Достаточно было взглянуть въ эти глаза, чтобы сразу отгадать кроткое, привязчивое, довѣрчивое созданіе — одну изъ тѣхъ женскихъ натуръ, для которыхъ главный смыслъ жизни заключается въ привязанности и самоотверженіи, а счастье — въ счастіи любимыхъ людей.

Марья Степановна — такъ звали жену Вязникова — дер-

жала въ рукахъ шляпу и палку мужа и, подавая ихъ, снова повторила:

— Пора, пора, Иванъ Андреевичъ! Коля скоро долженъ быть.

Счастливая улыбка сіяла на лицѣ матери. Необыкновенной нѣжностью звучало въ ея устахъ имя сына.

— Идемъ!.. Приѣдетъ-ли только Коля сегодня? обронилъ Иванъ Андреевичъ, подымаясь съ лавки.

— Сегодня приѣдетъ, непременно приѣдетъ. Увидишь!.. Вчера не приѣхалъ—вѣрно, въ Москвѣ что-нибудь задержало.

Мужъ и жена вышли за ограду, отдѣлявшую усадьбу отъ поля, и повернули по узкой черной полосѣ проселка, пролегавшаго между зеленью хлѣбовъ, встрѣчать старшаго сына, котораго третій день какъ ждали изъ Петербурга.

Они шли подъ руку скорыми шагами, пристально всматриваясь въ даль дороги. Оба молчали. Каждый изъ нихъ думалъ о сынѣ.

— А Вася гдѣ? спохватился Иванъ Андреевичъ, останавливаясь.

— Вася съ утра куда-то ушелъ.

— И, по своему обыкновенію, не сказалъ, куда? усмѣхнулся отецъ.

— Ты вѣдь знаешь, онъ не любитъ, когда его спрашиваютъ. Вѣрно, къ Лаврентьеву въ Починки. Они пріятели. А то у кого-нибудь изъ мужиковъ въ деревнѣ.

— Развѣ онъ не знаетъ, что Коля обѣщалъ быть вечеромъ?

— Знаетъ. Онъ сказалъ, что придетъ встрѣтить.

— Сказалъ?

— Да.

— Ну, если сказалъ, такъ придетъ! увѣренно замѣтилъ Иванъ Андреевичъ.

И Вязниковы пошли далѣе.

— Станный мальчикъ! какъ бы въ раздумья проговорилъ Вязниковъ.

— Это ты про Васю?

— А то про кого же? Коля человѣкъ, какъ человѣкъ.

— А что-же въ Васѣ-то страннаго? Душа-то какая добрая, а если немного дикъ—что-жъ тутъ особеннаго?

— Ты напрасно заступаешься! улыбнулся Иванъ Андреевичъ.— Малый-то онъ добрый и честный, я знаю не хуже тебя, но это

не мѣшаетъ ему быть страннымъ. Совсѣмъ онъ у насъ за годъ омужичился и одичалъ. Робинзономъ какимъ-то сталъ. Знаешь, за какимъ дѣломъ я его вчера на лугу утромъ засталъ? За косъ-бой! Коса его не слушается, а онъ-то старается, онъ-то старается. Потъ градомъ катится съ его лица, видно усталъ. Здоровье у него не то, что у Коли. Увидалъ Вася меня, вспыхнулъ весь и оправдывается: „я, говоритъ, еще учусь. Увидишь, какъ черезъ недѣлю косить буду“. Чудакъ! Ему въ академію надо готовиться, а онъ точно собирается въ мужики!

— Онъ это такъ, быть можетъ, для моціона! заступилась Марья Степановна.

— Ты думаешь, для моціона? съ едва замѣтной усмѣшкой проронилъ Иванъ Андреевичъ.

Онъ замолчалъ и пристально вглядывался на дорогу. Начало смеркаться. Вязниковъ взглянулъ на часы и покачалъ головой.

— Пора-бы Колѣ пріѣхать. Поѣздъ ужъ часъ тому назадъ пришелъ. Отъ станціи всего десять верстъ.

Въ это время изъ-за перелѣска, тянувшагося вдоль дороги, вышелъ длинный, неуклюжій, худощавый юноша, въ блузѣ, высокихъ сапогахъ и маленькомъ картузѣ на большой вудрявой головѣ. Онъ запыхался отъ скорой ходьбы и обтиралъ потъ съ блѣднаго, болѣзненнаго, задумчиваго лица.

— Откуда ты, Вася, усталый такой? спросилъ Иванъ Андреевичъ.

— Спѣшилъ не опоздать. Отъ Лаврентьева, папа. Въ лѣсъ ходили. Пилка тамъ...

— Ужъ не пилилъ-ли и ты?

— Пилилъ! отвѣтилъ, краснѣя, юноша.

— Вредно тебѣ, Вася, вставила мать. — Опять грудь заболитъ!

— Не заболитъ, мама, не бойтесь. А Коля, видно, не пріѣхалъ, прибавилъ онъ.

— Не опоздалъ-ли поѣздъ?

— Сбѣгать узнать, мама? вызвался юноша.

— Это десять-то верстъ сбѣгать? усмѣхнулся отецъ.

— Велика важность—десять верстъ! Мужики не по десяти верстъ отхватываютъ. Сходить?

— Не надо! рѣзко замѣтилъ Иванъ Андреевичъ.

Нѣсколько времени они шли по дорогѣ. Марья Степановна тревожно взглядывала то на мужа, то впередъ, — не покажется-ли на дорогѣ экипажъ.

— И что это у тебя, мой милый, все на языкѣ мужики да мужики, заговорилъ Иванъ Андреевичъ. — Мало-ли что можетъ мужикъ и чего ты не можешь. Мужики — народъ привычный, а ты... ты вѣдь, кажется, не мужикъ и готовишься не пахать землю, а быть образованнымъ человѣкомъ, благодаря счастливой случайности. Такъ надо сю пользоваться. Пойдемте-ка домой, Коля не будетъ! оборвалъ Иванъ Андреевичъ.

Всѣ трое молча пошли къ усадьбѣ. Вася шелъ сзади.

— Верховой ѣдетъ! крикнулъ онъ и побѣждалъ къ нему навстрѣчу.

Отецъ и мать остановились.

— Не Коля-ли? радостно воскликнула Марья Степановна.

— Какой Коля? Къ чему ему ѣхать верхомъ? недовольнымъ тономъ возразилъ Иванъ Андреевичъ, пристально, однако, всматриваясь въ полусвѣтъ сумерокъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Вася возвратился одинъ и подаль отцу телеграму.

— Ужъ не случилось-ли чего? испуганно прошептала Марья Степановна, питавшая вообще страхъ къ телеграмамъ.

— Успокойся, ничего не случилось. Чему случиться! Вѣрно назначаетъ новый день пріѣзда. Сейчасъ придемъ домой, узнаемъ...

Старикъ прибавали шагу.

— А гдѣ-же ямщикъ, Вася?

— Уѣхалъ. Я расписался въ книгѣ.

— Какъ же это ты такъ оплошалъ! Человѣкъ усталъ съ дороги, а ты не догадался позвать его выпить рюмку водки?

— Захочетъ — самъ въ кабакъ выпьетъ. Кабаковъ здѣсь, слава Богу, много!

Отецъ промолчалъ на это замѣчаніе и только искоса взглянулъ на сына.

Когда вернулись домой, Иванъ Андреевичъ прочелъ вслухъ слѣдующую телеграму изъ Москвы отъ сына:

„Простите. Сегодня не могу быть. Непремѣнно завтра. Задержали дѣла“.

— Вотъ видишь-ли. Ничего особеннаго не случилось! прого-

ворилъ Иванъ Андреевичъ, обращаясь къ женѣ. — Какія-то дѣла задержали! Вѣрно, важныя! усмѣхнулся иронически отецъ.

Онъ оставилъ телеграмму на столѣ въ гостиной и пошелъ въ кабинетъ.

— Чаю мнѣ въ кабинетъ пожалуйста пришли! замѣтилъ Вязниковъ въ дверяхъ.

Марья Степановна, грустная, тихо пошла въ столовую, гдѣ уже накрытъ былъ столъ и стояли разныя печенія и закуски, приготовленные для ожидаемаго гостя. Она видѣла, что мужъ огорченъ, и сама была огорчена. Но она не сердилась на сына. Онъ не виноватъ. Быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ его задержало что-нибудь важное. Точно у него не можетъ быть дѣлъ!

— А ты куда, Вася? Развѣ чаю не будешь пить? Сейчасъ подадутъ самоваръ! обратилась Марья Степановна къ сыну, замѣтивъ, что онъ собирается уходить.

— Я сію минуту вернусь, мама. Только въ деревню сбѣгаю.

— Загорѣлось, что-ли? Какія дѣла это у тебя тамъ, въ деревнѣ?

— Обѣщалъ Василью ружье принести. Завтра на охоту идетъ!

Съ этими словами юноша пошелъ было изъ комнаты, потомъ вернулся, обнялъ мать и вышелъ вонъ.

II.

На другой день, когда, по обыкновенію, Иванъ Андреевичъ, въ восемь часовъ утра, вышелъ къ чаю, Марья Степановна, ожидавшая уже мужа за самоваромъ, замѣтила, что лицо Ивана Андреевича утомлено и какъ-будто осунулось. Съ тревожной пытливостью взглядывала она на мужа и, наконецъ, спросила:

— Здоровъ ты?

— Здоровъ. Развѣ я кажусь больнымъ?

— Лицо у тебя сегодня нехорошее. Хорошо-ли ты спалъ?

— По обыкновенію... хорошо. Отчего мнѣ не спать!

Старикъ говорилъ неправду.

Эту ночь ему плохо спалось. Различныя думы гнали сонъ прочь и онъ только подъ утро заснулъ короткимъ, тревожнымъ сномъ.

Его больно кольнула, кольнула въ самое сердце, не деликатность сына. Отецъ такъ нетерпѣливо ждалъ его, ему хотѣлось прижать къ сердцу своего любимца, своего милаго, умнаго, талантливаго мальчика, на которомъ лепѣлось столько отцовскихъ надеждъ, а Коля два раза назначалъ дни прїѣзда и два раза не сдержалъ обѣщанія.

Это было больно. Кажется, онъ не заслужилъ такого... онъ прибиралъ слово... — такого невниманія! Какія могли быть у Коли важныя дѣла? Развѣ онъ не знаетъ, какъ горячо его любятъ, какъ нетерпѣливо ждутъ его послѣ двухъ-лѣтней разлуки? Развѣ его чуткая натура не понимаетъ, какъ хочется отцу поскорѣй взглянуть на молодого человѣка, познакомиться съ нимъ поближе теперь, когда онъ готовъ вступить въ жизнь, узнать, какъ онъ думаетъ, во что вѣрить, что любить, что ненавидить? И развѣ Коля самому не хочется скорѣй повидаться съ отцомъ, не только съ отцомъ, но и съ другомъ, скорѣй подѣлиться мыслями, надеждами? Развѣ письма могутъ замѣнить живую бесѣду?

Въ его года такъ быстро мѣняются вѣянія, особенно у такой впечатлительной натуры, какъ Коля. Что сдѣлали съ нимъ послѣдніе два года?

Ну, разумѣется, онъ остался такимъ-же хорошимъ, подсказывало родительское сердце. Еще недавно старикъ читалъ первую статью Коли, горячую статью, обратившую даже на себя вниманіе, и старикъ былъ обрадованъ. Въ этихъ благородныхъ стремленіяхъ молодости онъ точно узнавалъ себя, съ гордостью отца и учителя любовался первымъ трудомъ сына и ученика. Онъ вспомнилъ теперь объ этой статьѣ. Старикъ хотѣлъ поспорить по поводу нѣкоторыхъ мыслей, высказанныхъ въ ней его сыномъ.

„Но за что-жь такая небрежность? Два раза эти телеграммы? Къ чему было писать ихъ?“ повторялъ старикъ, обиженный своимъ любимцемъ скорѣе, какъ другъ, чѣмъ какъ отецъ.

Мысли сосредоточивались на сынѣ. Прошлое невольно врывалось въ голову эпизодическими отрывками, въ которыхъ Коля являлся яснымъ воспоминаніемъ въ годину тяжелой жизни. Ребенокъ скрасилъ долгіе, однообразные, сѣрые будни въ далекомъ,

пустынномъ захоlustьѣ. Дѣтскій лепетъ заставлялъ забывать на время тоску отчужденности. Впереди предстояла перспектива работы, какой-нибудь исходъ дѣятельной натуры, обреченной на томительное бездѣйствіе. Отецъ былъ первымъ учителемъ ребенка. Онъ вложилъ душу въ это дѣло и шагъ за шагомъ слѣдилъ за развитіемъ мальчика. Подъ его любовнымъ, внимательнымъ взоромъ выросалъ ребенокъ на радость отца, желавшаго воспитать въ первенцѣ челоvѣка и гражданина для тѣхъ свѣтлыхъ дней, когда взойдетъ, наконецъ, заря надъ родиной и лучшее будущее выпадетъ на долю его поколѣнія, когда его Колѣ не придется, подобно отцу, зарывать свой талантъ въ землю, а употребить его въ дѣло, отдать его вполнѣ на служеніе своему народу. Вѣра въ эти лучшіе дни придавала энергію отцу и онъ въ сынѣ какъ-будто олицетворялъ свои несбывшіяся юношескія надежды...

Сынъ радовалъ отца. Мальчикъ былъ способный, талантливый, отзывчивый, мягкая, впечатлительная, богато одаренная, самолюбивая и пылкая натура. Они обожали другъ друга и съ лѣтами это обожаніе перешло въ тѣсную дружбу. Мать ревновала сына къ отцу, отецъ къ матери.

Когда родился второй сынъ, старшему уже было восемь лѣтъ. Мать оберегала другого сына отъ исключительнаго вниманія отца, точно боялась, что отецъ овладѣетъ совсѣмъ и другимъ сыномъ, также какъ и первымъ. Но онъ еще былъ малъ, и къ тому-же въ скоромъ времени послѣ его рожденія судьба Вязниковыхъ измѣнилась къ лучшему. Они, наконецъ, оставили подневольное захоlustье...

Съ переездомъ въ „Витино“ отецъ поступилъ въ мировые посредники. Онъ былъ очень занятъ; вѣчно въ разъѣздахъ, вѣчно дѣятельный, онъ точно хотѣлъ наверстать потерянное время бездѣйствія, но все-таки онъ не прекращалъ занятій съ старшимъ сыномъ. Вася былъ ближе къ матери. Она первая давала ему уроки, а потомъ ему взяли учителя.

Отецъ сильно любилъ обоихъ сыновей. Хоть онъ и не признавался въ этомъ, но сердце его какъ-то ближе лежало къ старшему сыну. Съ Колей его связывали воспоминанія, связывали надежды наставника. Да и Коля казался отцу натурой богаче одаренной, чѣмъ Вася, болѣе откровенной, симпатичной, изящной и тонкой.

Вася росъ молчаливымъ, непривѣтливымъ, сосредоточеннымъ дичкомъ, рѣдко ласкавшимся, рѣдко выражавшимъ чувства съ той поспѣшностью, съ которой выражалъ старшій сынъ. Съ дѣтства онъ не блисталъ способностями. Все ему давалось какъ-то трудно, съ сильнымъ напряженіемъ ума и воли. Вообще мальчье не выдавался.

Онъ казался отцу простоватымъ, недалекимъ и даже черствымъ ребенкомъ. Но мать знала, сколько доброты, сколько сильного и глубокаго чувства, сколько ума таилось въ этомъ сдержанномъ, странномъ ребенкѣ. Позже узналъ это и отецъ. Онъ былъ растроганъ, упрекалъ себя въ несправедливости, въ невниманіи къ Васѣ, пробовалъ ближе подойти къ ребенку, нерѣдко по-долгу задумывавшемуся, сосредоточенному; но все-таки между отцомъ и сыномъ не установилось близости, какая была съ Колей. Младшій сынъ не то что боялся отца, а какъ-будто стыдился рассказывать, что занимало его дѣтское воображеніе, надъ чѣмъ онъ задумывался. Коля, бывало, все сейчасъ расскажетъ, а Вася—нѣтъ, промолчитъ. Отецъ его любилъ, но не такъ хорошо зналъ его, какъ Колю. И теперь, вспоминая отца, въ характерѣ младшаго сына были странности, приводившія отца въ недоумѣніе. Онъ какъ-то уединялся, по-временамъ задумывался, бывалъ разсѣянъ, несообщителенъ. Вообще между братьями была огромная разница еще въ дѣтствѣ, а съ годами она обозначилась рѣзче. Коля блестящимъ образомъ кончилъ гимназію и теперь кончилъ университетъ. Онъ всѣмъ нравился своимъ открытымъ, веселымъ нравомъ. Вася занимался хорошо, но далеко не съ такимъ успѣхомъ, за то отлично зналъ математику, къ которой имѣлъ пристрастіе. Товарищи, какъ рассказывалъ Вася отцу, звали его „нелюдимомъ“ и „богомоломъ“, но у него были друзья, хотя и не всѣ его любили. Въ университетъ онъ не пожелалъ, а почему-то захотѣлось ему быть морякомъ. Его отдали въ морское училище, но онъ тамъ не кончилъ. Вышла исторія, о которой будетъ подробно рассказано въ свое время, и Вася пріѣхалъ въ деревню. Отецъ, послѣ этой исторіи, еще болѣе привязался къ сыну и предложилъ ему выбрать другую карьеру. Онъ сталъ готовиться въ медицинскую академію, но все откладывалъ поступать, болѣе читалъ разныя книги, чѣмъ учебники, и въ послѣднее время съ какимъ-то увлеченіемъ занимался физической работой, бродилъ по лѣсу, возился съ мужи-

ками... Вообще въ это время въ немъ, по наблюденіямъ отца, происходилъ какой-то переломъ. Отецъ не мѣшалъ сыну и не совсѣмъ хорошо понималъ, что такое дѣлается съ юношей. Чужлось ему вѣяніе чего-то новаго, непонятнаго, несимпатичнаго старику.

Коля ближе подходилъ къ отцу, а Вася представлялъ для него какую-то загадку. Отецъ объяснялъ, впрочемъ, странныя наклонности сына отчасти знакомствомъ съ Лаврентьевымъ, а отчасти нѣкоторымъ мистицизмомъ, нечуждымъ характеру юноши. У него была полоса необычайной религіозности. Два года тому назадъ, пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, Вася писалъ отцу письмо, которое тогда поразило Ивана Андреевича... „Современемъ все это пройдетъ, думалъ отецъ. — Коля повліяетъ на брата“.

— Оба они все-таки славные ребята! проговорилъ вслухъ Иванъ Андреевичъ, засыпая подъ утро.

Онъ допилъ свой второй стаканъ, обмѣниваясь короткими фразами съ женой. О Колѣ отецъ не упомянулъ ни слова и Марья Степановна обратила на это вниманіе. Она тоже не начинала разговора и только вскользь упомянула, что нужно сегодня посылать на станцію, такъ она все равно сама поѣдетъ.

— А меня не возмешь? засмѣялся Иванъ Андреевичъ, понявшій, въ чемъ дѣло.

Марья Степановна въ отвѣтъ тихо улыбнулась. Она видѣла, что Иванъ Андреевичъ не сердился больше на сына, и тревожный взглядъ ея смѣнился обычнымъ кроткимъ и радостнымъ. Тотчасъ-же она заговорила о томъ, какой обѣдъ она заказала на случай, если Коля пріѣдетъ со вторымъ поѣздомъ, а не съ вечернимъ, и что сегодня будетъ готовъ для Коли письменный столъ, который она отдала починить, и будутъ повѣшены новыя занавѣски.

— Ему нуженъ большой столъ. Быть можетъ, онъ здѣсь что-нибудь новенькое напишетъ!

Иванъ Андреевичъ улыбался. Ему весело было слушать эту заботливую болтовню матери.

Въ столовую вошелъ Вася. Сперва онъ подошелъ къ матери и, по привычкѣ, оставшейся еще съ дѣтства, обвилъ рукой ея

шею и поцѣловалъ ее въ губы, а мать въ это время незамѣтнымъ крестомъ перекрестила его лобъ. Потомъ онъ подошелъ къ отцу и протянулъ было руку, но отецъ притянулъ его къ себѣ и какъ-то особенно нѣжно поцѣловалъ сына, какъ бы безмолвно извиняясь за вчерашнія слова.

Вася не ожидалъ этой необычной ласки. Онъ нервно вздрогнулъ и сконфузился. Мать уже наливала ему чай, взглядывая на мужа и сына. „Удивительно, какъ Вася похожъ на отца!“ подумала она. Иванъ Андреевичъ между тѣмъ спрашивалъ:

— Ты, конечно, давно всталъ?

— Въ шесть часовъ. Я ужъ и раковъ для тебя наловилъ. Въ кухню снесъ.

— Спасибо, голубчикъ. А косилъ?

— Косилъ.

— Ну, какъ косьба твоя, — подвигается?

— Подвигается.

— Ахъ, ты, Миеула Селяниновичъ! добродушно засмѣялся старикъ и потрепалъ сына по плечу. — Худъ только тѣломъ ты. Духу-то въ тебѣ много, а тѣла мало. Надо тѣла припасти.

— Въ деревнѣ поправится. Петербургъ ему вреденъ. Помнишь, какимъ онъ изъ Петербурга тогда пріѣхалъ: совсѣмъ чахленькій.

— А все учиться надо! серьезно проговорилъ Иванъ Андреевичъ, подымаясь съ мѣста.

Вдругъ невдалекѣ звякнулъ колокольчикъ. Всѣ поднялись съ мѣстъ и бросились къ растворенному окну. Но изъ окна, выходящаго въ садъ, не видно было дороги. Всѣ какъ-будто позабыли объ этомъ.

Колокольчикъ заливался совсѣмъ близко. Въ окно ясно доносились веселыя вскрикиванія ямщика.

— Коля, Коля вѣрно! въ одинъ голосъ воскликнули отецъ и мать, выбѣгая изъ столовой на крыльцо.

Во дворъ вѣзжала почтовая телѣга.

— Коля! радостнымъ, взвизгивающимъ голосомъ крикнула Марья Степановна, бросаясь навстрѣчу.

Иванъ Андреевичъ побѣждалъ за ней.

Телѣга остановилась среди двора. Изъ нея быстро выскочилъ молодой человѣкъ и сталъ обнимать мать, отца и брата. Онъ